

Маковский Артем Владимирович

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ ЯПОНСКИХ РЫБОЛОВНЫХ
ПРОМЫСЛОВ (КОНЕЦ 20-Х - 30-Е ГГ. XX ВЕКА)**

В статье раскрываются вопросы осуществления государственного контроля над выполнением заключенных между советским правительством и японскими рыбопромышленниками концессионных договоров, а также въезда, передвижения, выезда лиц, прибывающих на японские концессионные рыболовные участки, ввоза и вывоза грузов и уловов. Анализируются трудности, возникавшие у органов пограничного контроля в ходе реализации своих полномочий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/32.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 116-120. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

PROBLEM OF CONSCIOUSNESS IN THE CONTEXT OF STUDYING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Makovkin Aleksandr Sergeevich
Voronezh State University
kolbasungames@gmail.com

The article analyzes the problematic of consciousness in the context of its importance for the study of artificial intelligence. The author considers modern approaches to the problem of consciousness, and identifies the characteristic features and differences of natural and artificial intelligence. Basing on the study of this problem the author makes a few assumptions about the meaning of artificial intelligence technology for the future of mankind as a whole, and an individual personality.

Key words and phrases: artificial intelligence; strong artificial intelligence; consciousness; problem of consciousness; physicalism; functionalism; transhumanism; information society.

УДК 9; 94(47)

Исторические науки и археология

В статье раскрываются вопросы осуществления государственного контроля над выполнением заключенных между советским правительством и японскими рыбопромышленниками концессионных договоров, а также въезда, передвижения, выезда лиц, прибывающих на японские концессионные рыболовные участки, ввоза и вывоза грузов и уловов. Анализируются трудности, возникавшие у органов пограничного контроля в ходе реализации своих полномочий.

Ключевые слова и фразы: концессии; рыболовные концессии; концессионная политика; пограничная охрана; пограничный пост; Дальрыба.

Маковский Артем Владимирович

Дальневосточный государственный гуманитарный университет
artemmakovskii@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТСКОГО КОНТРОЛЯ
ЯПОНСКИХ РЫБОЛОВНЫХ ПРОМЫСЛОВ (КОНЕЦ 20-Х – 30-Е ГГ. XX ВЕКА)[©]**

Дальний Восток России всегда был и остаётся важным в политическом и экономическом отношениях регионом нашего государства. Богатейшие запасы природных ископаемых и биоресурсов традиционно привлекали пристальное внимание не только отечественных, но и ряда иностранных промышленников. Не был исключением и период 20-30-х гг. прошлого века.

Отличительной особенностью Дальнего Востока после его освобождения от интервентов и белогвардейцев в конце 1922 г. и воссоединения Дальневосточной Республики с РСФСР было существенное, если не ключевое, влияние иностранного капитала на его торгово-экономическое развитие. При огромной протяженности слабоохраняемой границы и неподдельного интереса к возможности освоения природных богатств со стороны иностранных государств (прежде всего Японии и США) Дальний Восток стал одним из первых регионов, обративших на себя внимание со стороны советского руководства в качестве объекта концессионной политики [4, с. 15]. Учитывая последствия Гражданской войны и интервенции для его экономики и транспортной инфраструктуры, малочисленность населения и дефицит квалифицированных кадров во всех отраслях, можно с уверенностью предположить, что привлечение заграничного капитала имело жизненно важную необходимость для восстановления региона. Одним из основных объектов концессионной политики Советского государства на Дальнем Востоке была рыбная промышленность, наряду с не менее важными отраслями – лесной и горной. Вопрос об упорядочении производства лова в российской части дальневосточных вод стоял особенно остро, ввиду того что в период Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке японские рыбопромысловые предприятия фактически единолично осваивали морские биоресурсы тихоокеанского побережья [6, с. 156]. Осознавая всю безотлагательность решения данного вопроса, советские органы власти предпринимали первые шаги по наведению порядка в сфере рыбопромысловой деятельности. В марте 1923 г. Совнарком РСФСР принял декрет о порядке эксплуатации рыбных и морских звериных промыслов на Дальнем Востоке, а еще раньше, в декабре 1922 г., данный вопрос рассматривал Дальневосточный революционный комитет (далее – ДРК). Этим постановлением ДРК все договоры, контракты и иные соглашения, заключенные до 14 ноября 1922 г., аннулировались. Попытки японских рыбопромышленников проигнорировать указанные выше нормативные акты результатов не дали, и на первый план рыболовных отношений выходила задача поиска компромиссов по вопросам рыболовства в советской части тихоокеанских вод.

Очередной виток советско-японских рыболовных отношений произошел после подписания в Пекине 20 января 1925 г. «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией»,

в соответствии с которой указанные государства приступали к пересмотру русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. [5, с. 88]. В результате переговоров 27 марта того же года между СССР и Японией была заключена рыболовная конвенция, однако она не несла в себе новшеств, оставив порядок проведения торгов, а также размеры платежей и налогов на прежнем уровне [6, с. 156]. На деле же действительное концессионирование в рыбопромысловой отрасли стало осуществляться с принятием советско-японской рыболовной конвенции от 23 января 1928 г. Ее сущность заключалась в предоставлении японским рыбопромышленникам права заниматься промыслом и обработкой всего спектра морских биоресурсов, за небольшим исключением: в советской части вод Японского, Охотского и Берингова морей, в пределах установленных, специально выделенных рыболовных участков, сдаваемых в аренду с публичных торгов. Арендовав их, японские подданные получали возможность свободно пользоваться побережьем в границах участков: возводить там необходимые постройки промышленного и бытового назначения, осуществлять хранение и ремонт плавсредств, снастей и иного технологического оборудования [3, с. 43]. Японские промышленники использовали свои морские суда для следования к местам рыболовства непосредственно из Японии и обратно, могли свободно передвигаться от одного места промысла к другому, а также убывать после рыбалки в третьи страны, выполнив лишь небольшие формальности относительно находящегося на борту улова. Такие суда пользовались свободой перевозок, без уплаты налогов и сборов, лиц и предметов, необходимых для рыболовного промысла, а также произведенного улова [Там же, с. 44]. Концессионеры могли свободно передвигаться между своими рыболовными участками вдоль берега по суше или на лодке по морю. Что касается порядка въезда, пребывания, передвижения и выезда японских подданных и их рабочих к местам проведения рыболовной деятельности, то к ним должны были применяться правила упрощенного пропуска. Кстати, необходимо отметить, что, в соответствии с данной конвенцией, национальность рабочих и служащих у японских подданных, занятых на промысле и обработке морских биоресурсов, не имела никакого значения [Там же]. Это фактически означало, что японские предприниматели могли использовать для производства лова и обработки даров моря не только своих соотечественников, но и любую другую, возможно, еще более дешевую рабочую силу.

Положения данной конвенции предусматривали длительный срок аренды рыболовных участков и эксплуатации рыбо- и крабовых заводов только через заключение специальных концессионных договоров между советским правительством и японскими рыбопромышленниками [6, с. 157]. 3 ноября 1928 г. был подписан первый концессионный договор с японской фирмой «Ничиро Гио Гио Кабусики Кайся» (НГТКК), в 1929 г. подписаны аналогичные договоры еще с тремя японскими рыболовными фирмами. Эти фирмы были более мелкими, их суммарное количество концессионных рыболовных участков было чуть более 11% от общего количества указанных участков, «Ничиро...» же владела немногим менее 90% участков и была наиболее мощным и успешным предприятием. Данное предприятие просуществовало практически до конца Великой Отечественной войны [5, с. 105].

Можно утверждать, что после принятия советско-японской рыболовной концессии 1928 г. позиции японского капитала в рыбной промышленности советского Дальнего Востока определенно укрепились. Если в западном и центральном регионах страны к концу 20-х гг. концессионная политика государства пошла на спад, то на Дальнем Востоке эта тенденция имела прямо противоположное направление. Во-первых, доходы от японских концессий продолжали играть важную роль в восстановлении дальневосточного региона, во-вторых, советская рыбная промышленность в этот период все еще находилась на этапе становления и не могла отказаться от использования передового опыта японской промышленности в области рыболовства, и, в-третьих, сворачивание концессионной политики в сфере освоения морских биоресурсов в советской части тихоокеанских вод непременно привело бы к обострению советско-японских политических отношений [4, с. 20]. Более того, можно говорить о том, что советское руководство, желая сохранять относительно стабильную обстановку в регионе, само отдавало предпочтение именно японским капиталам в сфере освоения морских богатств дальневосточных морей. Так, еще до подписания советско-японской рыболовной концессии 1928 г. заместитель Наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинов в своем письме в Главный концессионный комитет при СНК СССР от 21 февраля 1927 г. обращал внимание на то, что не только японские подданные проявляют интерес к возможности получения рыболовных участков с торгов. Каждое подобного рода обращение «не японских граждан» подлежало тщательной проработке и обязательному согласованию с НКВД СССР, ввиду того что допуск кого-либо к осуществлению рыбного промысла на дальневосточном побережье имел серьезное политическое значение и был тесно связан с взаимоотношениями СССР с Японией [1, д. 405, л. 95].

Однако общегосударственный курс на сворачивание концессионной политики, взятый руководством страны в конце 20-х годов, не мог не затронуть Дальний Восток. В 1931 г. был ликвидирован специальный орган, занимавшийся реализацией концессионной политики в регионе – Дальневосточный концессионный комитет. Мониторинг деятельности японских рыбопромышленников и их предприятий стал осуществляться «Дальрыбой», а непосредственно на местах надзор за деятельностью концессионеров осуществляли инспекторы указанной организации [4, с. 20].

В целом мероприятия советского руководства в ходе проведения концессионной политики в рыбопромышленной сфере на Дальнем Востоке, в частности, заключение советско-японской рыболовной конвенции 1928 г., внесли определенную ясность и порядок в данной отрасли. Но все же оставался еще целый спектр неразрешенных проблем, прежде всего внутреннего характера, касающихся реализации достигнутых договоренностей. Одной из важнейших задач была организация государственного контроля над деятельностью арендованных рыболовных участков японскими концессионерами на местах, над выполнением ими требований концессионных договоров, въездом, пребыванием, передвижением, выездом японских подданных, а также ввозом на советскую территорию и вывозом грузов и уловов.

Как отмечалось выше, непосредственно на рыболовных участках надзор за деятельностью японцев по добыче и обработке морских биоресурсов осуществляли инспекторы «Дальрыбы». В сезон 1929 г. в конвенционных водах Дальнего Востока, в соответствии с заключенными договорами, действовали 42 концессионных участка (из них – 36 морских рыболовных и 6 крабовых), находившихся в Ичинском, Западно-Камчатском и Восточно-Камчатском промысловых районах. Обслуживанием этих участков занимались 22 рыбо- и крабоконсервных завода разной мощности. Как видно, количество участков и заводов было довольно существенным, и обеспечить надзор над их деятельностью, учитывая расположение и расстояния между ними, было довольно непростой задачей. Несмотря на то, что советско-японская рыболовная конвенция была заключена еще в 1928 г., вопрос о том, кто должен контролировать и наблюдать за деятельностью рыболовных предприятий, оставался неясным вплоть до 1930 г. В Докладной записке «Дальрыбы» в Управление рыбного хозяйства Наркомата Земледелия РСФСР о работе концессионных участков и заводов за сезон 1929 г. говорилось, что данный вопрос неоднократно решался Центром, и только теперь (в начале 1930 г.) принято решение о сосредоточении надзорных функций в руках Дальневосточного Управления рыболовства. В связи с этим в сезон 1929 г. надзор над деятельностью концессионных участков осуществлялся «Дальрыбой» только в общем порядке, предусмотренном для всех рыболовных участков. В ходе надзора инспекторами «Дальрыбы» выявлялись различные нарушения требований концессионных договоров. Из наиболее серьезных нарушений можно отметить такие, как: 1) недовыработка консервов по отдельным видам рыб (в договоре предусматривалась переработка не менее 40% рыбы-сырца в консервы); 2) превышение установленного максимального веса ящика консервов (22,32 кг) – прежде всего это касалось консервов из крабов. Также был выявлен ряд гораздо более мелких и незначительных нарушений, например, неправильная укладка рыбы в штабели, неправильные таблички на штабелях и т.п. [2, д. 40, л. 687-688]. Вместе с тем важно отметить, что наблюдающие за деятельностью концессионеров государственные органы не имели права вмешиваться в производственный процесс, а лишь могли предъявлять требования в рамках реализации концессионных договоров и требовать предоставления отчетных документов по произведенным операциям. Сложившаяся система надзора над деятельностью японских рыбопромышленников была слабоэффективной и не могла гарантировать обеспечение полного госконтроля японских предприятий. Это обуславливалось рядом объективных факторов: во-первых, отдаленностью концессионных участков от Центра и друг от друга и, как следствие, отсутствием устойчивой связи, во-вторых, ограниченными правами инспекторов на принятие самостоятельных решений. Составленные ими протоколы по тем или иным нарушениям рассматривались управлением «Дальрыбы» только после окончания рыболовного сезона, когда уже было поздно пресекать незаконные действия концессионера. Безусловно, немаловажными факторами были тяжелые природно-климатические условия, в которых приходилось работать инспекторам «Дальрыбы», а также вопросы организационного характера, в частности, острая нехватка средств передвижения, что значительно усложняло процесс контроля рыболовных участков. Следует отметить и бытовые трудности, являвшиеся причиной текучести кадров, что явно не повышало качество госконтроля. Серьезной проблемой была коррупция. Инспекторы, находясь в отрыве от головного подразделения, чувствуя бесконтрольность, зачастую злоупотребляли должностными полномочиями: принимали различные подарки от японцев, пренебрежительно относились к исполнению своих обязанностей или увлекались алкоголем [5, с. 99-100].

Учитывая все вышеперечисленные факторы, можно предположить, что роль государственной организации, осуществляющей контроль над исполнением концессионных договоров на местах, была малозначительной. Куда более эффективным был финансово-экономический контроль над деятельностью японских предприятий: за своевременным внесением арендной платы за пользование участками, долевые отчисления и иные платежи в бюджет государства [Там же, с. 100].

Не менее актуальным был вопрос обеспечения законного въезда, пребывания, передвижения и выезда японских подданных, а также их рабочих и служащих на концессионные участки. Несмотря на то, что советско-японская рыболовная конвенция 1928 г. предусматривала упрощенный порядок пересечения границы для указанных категорий лиц, следовавших к местам лова и обработки морских биоресурсов, контроль над въездом и выездом иностранных граждан, их количеством, составом, а также ввозимыми грузами и уловами, вывозимыми с рыболовных участков, все же был необходим. В начале 30-х гг. в районе расположения концессионных рыбалок функционировало 3 контрольно-пропускных пункта (далее – КПП): Петропавловск, Нагаево, Охотск, причем в Петропавловске и Нагаево функции КПП вплоть до 1940 г. фактически выполняли морские пограничные коменданты [8, д. 116, л. 338]. Согласно рыболовной конвенции, японские суда следовали из Японии непосредственно к местам проведения ловли или к своим заводам. Следовательно, о заходе в контрольно-пропускные пункты для оформления въезда или выезда не было и речи, а задача встречи и оформления прибытия и убытия лиц, транспортных средств и грузов целиком ложилась на плечи ближайших к рыболовным участкам пограничных и таможенных постов, расположенных на побережье. Все имеющиеся на побережье Камчатки пограничные посты в навигационный период выполняли контрольно-досмотровую работу [Там же, д. 119, л. 108]. Например, в 1939 г. на участке 60-го Камчатского морского пограничного отряда, согласно штату, должно было быть выставлено 24 постоянных и 23 летних пограничных поста. В соответствии со штатами отряда для укомплектования пограничных постов должно было быть 374 человека, из расчета 10 человек на постоянный пост и 6 человек на летний (сезонный). В действительности же на участке отряда было выставлено в общей сложности 53 поста с личным составом в количестве 351 человек, из них: среднего состава – 53 человека, радистов – 52, поваров – 53. Таким образом, для охраны границы оставалось 193 человека, из которых при 12-часовой суточной нагрузке 106 человек использовались для охраны самих постов. Для несения службы непосредственно по охране государственной границы оставалось

87 человек, если не считать больных и убывающих в командировку. Отсюда видно, что большая часть личного состава пограничных постов использовалась не для охраны границы, а для обеспечения функционирования и охраны самих подразделений. Несколько облегчалось положение за счет уменьшения количества личного состава на некоторых постах до 3-х человек и увеличения на других до 8-ми человек. Указанным маневром сил и средств достигалась возможность усиления подразделений на особо важных направлениях [Там же, л. 5-6].

Всего в 1939 г. на японские концессионные рыбалки, расположенные на участке ответственности отряда, въехало 16902 человека (из них – 643 человека административного состава и 16259 рабочих) [Там же, л. 15]. По возрастным группам: 19-23 года – 3975 чел.; 24-35 лет – 5534 чел.; 36-42 года – 3517 чел.; от 42 лет и старше – 3876 чел. Итого – 77% лиц призывного возраста. Из визированных Консульством СССР в Хакодате списков въезжающих на Камчатские рыболовные участки японцев видно, что еще до выезда проводилась определенная фильтрационная работа. Так, из 18248 заявленных в списках японских рабочих советским консульством на концессионные промыслы не допущено 1346 человек [Там же, л. 16].

В Петропавловске только в ноябре 1940 г. был создан КПП, который производил всю контрольно-пропускную работу в порту [Там же, л. 108]. В докладе 60-го Камчатского пограничного отряда «Об итогах охраны государственной границы в период 1939-1940 года» от 29 апреля 1940 г. отмечалось, что качество досмотра прибывающих на японские промыслы судов до отчетного периода находилось на низком уровне. Это обуславливалось тем, что начальники постов сами производили досмотр, а также оформление прихода и отхода непосредственно на берегу. Мало того, что такой досмотр был малоэффективен, он еще и, с точки зрения поддержания своего престижа перед иностранцами, выглядел несолидно. Отсутствие своих плавсредств не давало возможности начальникам постов производить досмотр паромов на борту. В тех местах, где японские базы или заводы находились на значительном удалении от постов, японские пароходы часто простаивали, так как приход начальника поста к базе длился 6-8 часов. Продолжительность стоянки на рейде японских судов до прихода представителей погранохраны для оформления прибытия также не исключала возможности разгрузки незаконно ввезенного груза до оформления прихода, а также его сокрытия от досмотра. При такой системе контрольно-досмотровой работы прибывающих японских судов становилась возможной доставка на рыболовные участки оружия, контрреволюционной литературы и засылка в советский тыл шпионов и диверсантов. Наличие на пограничных постах катеров давало бы возможность начальникам постов строить контрольно-досмотровую работу в полном соответствии с «Инструкцией о работе КПП» [Там же, л. 109].

Серьезные затруднения в осуществлении контрольно-досмотровой работы вызывало также отсутствие переводчика. Это вынуждало пользоваться переводчиками концессий, так как использование переводчика штаба отряда в связи с удаленностью рыболовных участков было невозможно [7, д. 175, л. 44-45].

Количество пропущенных судов и пассажиров с каждым годом возрастало. Это означало, что вопросу организации контрольно-досмотровой и пропускной работы необходимо было уделять больше внимания и соответствующим образом обеспечивать материально эту отрасль работы. Руководством пограничного отряда неоднократно представлялись предложения по организационно-штатным изменениям, однако требуемых обстановкой изменений не происходило [8, д. 119, л. 110-111]. В навигационный период 1940 г. на рыболовные участки, арендуемые японцами на Камчатке, прибыли, а потом выехали в Японию 35146 человек, принято и отправлено 638 японских судов [Там же, л. 340]. Вся эта работа была проведена начальниками пограничных постов, расположенных на побережье. В 1941 г. на японских рыбалках было задействовано 17483 человека, 107 японских судов сделали 573 захода и вывезли готовой продукции 76301 тонн (в 1940 г. – 67210 тонн) [Там же, л. 448].

Руководству пограничных отрядов приходилось организовывать контрольно-досмотровую и пропускную деятельность на своих участках ответственности, маневрируя имеющимися в их распоряжении и явно недостаточными силами и средствами.

Таким образом, в 30-е гг. XX века на Дальнем Востоке СССР сложилась определенная система контроля в сфере реализации заключенных между советским правительством и японскими рыбопромышленниками концессионных договоров, а также контроля над прибытием, нахождением, передвижением и убытием японских концессионеров и их рабочих на рыболовных участках. Данная система складывалась в непростой социально-экономической и политической обстановке в регионе и, безусловно, имела множество недостатков, в том числе по объективным причинам. Однако шаги советского руководства по укреплению надзора над деятельностью концессионеров уже не позволяли японским рыбопромышленникам чувствовать себя безнаказанными и хищнически истреблять морские богатства советской части тихоокеанских вод.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8350. Оп. 1.
2. ГАРФ. Ф. 8350. Оп. 3.
3. Документы внешней политики СССР. М., 1966. Т. 11. 1 января – 31 декабря 1928 г. 480 с.
4. Кошкарева С. Г. Советская концессионная политика на Дальнем Востоке страны (1920-1930-е гг.) // Вестник Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр». Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 1 (19). С. 15-23.
5. Мандрик А. Т., Марьясова Н. В. Российско-японские рыболовные отношения на Дальнем Востоке в 20-30-е годы XX века // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 1. С. 85-110.
6. Марьясова Н. В. Основные направления, принципы и методы концессионной работы в условиях Дальнего Востока России в 20-30-е годы // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: материалы международной научной конференции. Владивосток, 1997. С. 152-159.
7. Центральный пограничный архив ФСБ России (ЦПА ФСБ России). Ф. 220. Оп. 1.
8. ЦПА ФСБ России. Ф. 231. Оп. 1.

PROBLEMS OF EXERCISING SOVIET CONTROL OVER THE JAPANESE FISHERIES (THE END OF THE 20S – THE 30S OF THE XX CENTURY)

Makovskii Artem Vladimirovich
Far Eastern State University of Humanities
artemmakovskii@mail.ru

The article touches on the problems of exercising state control over the implementation of concession contracts made between the soviet government and the Japanese fishery managers. The paper also dwells on the issues of the entry, movement, departure of persons arriving at the Japanese concession fishing areas, the import and export of cargos and yields. The author analyzes difficulties that arose with the border control bodies during the realization of their authorities.

Key words and phrases: concessions; fishing concessions; concession policy; border guards; frontier guard; Dalryba.

УДК 781.2

Искусствоведение

Статья посвящена характеристике и анализу роли фонетических средств речевой выразительности в романах и песнях М. А. Балакирева. На примере конкретных произведений рассматриваются такие явления как ассонанс, аллитерация, анафора, повторы отдельных слов, эпифора. Цель настоящей работы – прояснить, как «трактованы» поэтические свойства, конкретные приемы в камерно-вокальных сочинениях, каково в них само соотношение «литературного» и «музыкального». Подобное исследование в рамках творчества М. А. Балакирева осуществляется впервые.

Ключевые слова и фразы: фонетические свойства; вокальная музыка; фонетическая сопряженность; музыкальное выделение; речевая выразительность; звукоподражание; фонема; фонетические приемы.

Маслеева Мария Евгеньевна

Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова
mariachebykina87@yandex.ru

РОЛЬ ФОНЕТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ РЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНАХ И ПЕСНЯХ М. А. БАЛАКИРЕВА[©]

Как известно, фонетические свойства вокальной музыки во многом определяются характером «звучания» литературного текста. При этом важную роль играют отдельные фонемы.

Лингвисты дают следующее определение данной категории: «Фонема (от греч. *phōnema* – звук, голос) – единица звукового строя языка, служащая для опознавания и различения значимых единиц – морфем, в состав которых она входит в качестве минимального сегментного компонента, а через них – и для опознавания и различения слов. Фонема – инвариантная единица языка. Фонема – основная незначащая единица языка, связанная со смысловым различием лишь косвенно» [8, с. 552]. «Это как бы —кирпичики», из которых строятся экспоненты значащих единиц языка, в первую очередь – морфем, а тем самым и слов. Но кирпичи... в принципе должны быть одинаковыми. Фонемы же обязательно должны быть разными, различимыми для восприятия <...> Комбинируясь между собой, фонемы эти дают тысячи сочетаний, служащих экспонентами для значащих единиц языка» [4, с. 45].

Фонетическая сопряженность литературного и музыкального текста во многом обусловлена объективными аналогиями. Это особо подчеркивает Т. С. Бершадская. В своем исследовании она затрагивает еще одну важную проблему: «...следует остановиться на таком свойстве фонемы, как ее *инвариантность*. Думается, что, опираясь на концепцию Н. А. Гарбузова о *зонной* природе звука, а также, учитывая возможную инвариантность исполнительской интонации в нетемперированном строе, и этим свойствам фонемы можно найти аналогии в музыке. <...> Изменение тонового состава мелодического оборота, иногда даже одного звука, может кардинально преобразить его характер, его содержательную сторону, его тематический смысл» [1, с. 270]. Очевидно, что при обращении к любому роману Балакирева не возникнет проблемы интерпретации в условиях нетемперированного строя. Но, во-первых, вокальное интонирование все-таки не целиком подчинено законам равномерной темперации; во-вторых, даже в условиях традиционной системы любой способ выделения, «подкраски» меняет наше ощущение, восприятие фонемы.

«Фонема как словообразующий элемент, – по мнению Е. А. Ручьевской, – не растворяется в музыкальном тоне, а накладывается как бы поверх него, хотя и влияет на окраску мелодии. Тембр, зависящий от типа голоса и его индивидуальных особенностей (так же как и тембры инструментов), так или иначе накладывается на музыкальный тон и, сливаясь с ним, образует единство» [6, с. 143]. Рассмотрим конкретные приемы.

Ассонанс, аллитерация

С точки зрения поэтической фонетики нас будут интересовать приемы использования звукоподражаний и звуковых повторов, создающих своеобразный «фонетический рисунок» речи. Они не всегда получают